

К анализу конкурсных работ
Двадцать третьего Санкт-Петербургского конкурса молодых переводчиков
Sensum de Sensu
Английский раздел
2023 год

Конкурсная комиссия считает необходимым суммировать впечатление от конкурсных работ в английском разделе, в частности и тех, что не были приняты к рассмотрению по существу. Оставляя за рамками протокола регламент конкурса, в котором специально не оговаривается допустимость или недопустимость машинного перевода, конкурсная комиссия обращает внимание на характерные черты и тенденции, присущие представленным работам.

Три работы, отмеченные дипломами в номинации I английского раздела конкурса, оцениваются как равноценные. Эти работы отличает понимание сущности изобретения, учет требований патентного законодательства, видение грамматических форм в первоисточнике и верный их перевод на русский язык. Есть и огрехи, легко устранимые. Что касается трех десятков работ в номинации I, для них характерны две группы переводческого брака. Во-первых, части конкурсантов не известно, что формула изобретения – это одно назывное предложение. Поэтому в работах появляется дробление формулы на несколько предложений, или в тексте перевода появляется сказуемое. Во-вторых, часть конкурсантов не увидела в исходном тексте независимый причастный оборот, что привело к искажению смысла и ошибке. Такие работы были исключены из рассмотрения конкурсной комиссией.

Работы победителей в номинациях II и III объединяет внимание и уважение к тексту, хотя и проявленное в разной степени. Для всех этих работ характерно отсутствие канцелярских оборотов, стремление к сохранению коммуникативного эффекта, то есть достижению высокой адекватности текста перевода тексту оригинала. Также следует отметить языковое чутье и чувство меры, которое позволило достаточно точно воспроизвести манеру рассказчика из текста номинации II, не исказив ее.

Для большинства конкурсных работ характерно:

- слабое владение навыками редактирования (тексты не выверены, не вычитаны, пестрят орфографическими и пунктуационными ошибками, синтаксически оформлены с грубыми нарушениями норм русского языка (оформление диалога по принятым правилам отсутствует в большинстве работ. Сюда же можно отнести синтаксические интерференции. В значительной части работ обнаруживается большое количество синтаксических калек, в результате чего предложения на русском языке звучат неестественно и громоздко, нарушается естественность ритма прозы и интонация: *К тому времени, как дед подрос достаточно, чтобы присоединиться... По мере того, как он старел, его байки превращались в легенды фольклора... Казалось, он был слишком измотан, чтобы сделать еще шаг..; ты отдашь мне все земли, которые твой гусь сможет облететь сразу после того, как я сделаю его снова молодым, идёт?*
- плохое владение русским языком: так в 95 работах номинации II слово nutcracker переведено как «щелкунчик» (вариант, предлагаемый Google Translate), хотя в тексте слово написано со строчной буквы и речь идет о щипцах для колки орехов, а не о персонаже сказки Гофмана;
- неумение или нежелание проверять реалии, имена собственные, обращаться к культурно-историческому контексту, что связано, как представляется комиссии, с низким уровнем общей культуры. Так, восклицание «*by Gor*» в девятнадцати из пятидесяти работ номинации III переведено как «*клянусь Гором*» (машинный перевод) и не исправлено, хотя речь идет об Ирландии, а не о Древнем Египте. Святой Кевин, с которым встречается король О’Туль, в некоторых переводах превращается в Кавина, сам король получает имя О’Туль, и оба они при встрече обмениваются восклицаниями «*черт тебе побери*», что из уст святого звучит как минимум странно. Старик Джедедайя из рассказа, предложенного в номинации II, превратился в Джедая, Джедеда и Джедаха, хотя проверить, как именно передается его имя, не составляет большого труда;

- при использовании систем машинного перевода неумение считывать контекст, точно распознавать идиомы (особенно не полные) привело к тому, что *«local butt»* передавалось в подавляющем числе работа как *местный засранец, местная задница, окурок, заноза в заднице* и т.д., хотя речь шла лишь о переданном не полностью фразеологизме «be a butt of one's joke», что значить всего лишь «стать мишенью насмешек». То, что такие ошибки не были устранены при обработке подстрочного перевода, говорит о непонимании задач редактирования, нежелании вчитываться в текст;

- появление таких сочетаний как *«полувзрослый мальчик»*, зафиксированных в двадцати одной работе номинации II, или *«бормотать/шебуришать/мямить беззубыми дёснами с сознанием собственного величия»*. Слово «полувзрослый» действительно существует и даже обнаруживается в НКРЯ, однако сочетание его со словом «мальчик» возможно лишь в ироническом контексте, отсутствующем в авторском тексте. Что касается бормотания деснами, в русском языке существует сочетание «шамкать беззубыми ртом», которое можно найти, обратившись к словарям.

- смешение регистров речи. При передаче речевой характеристики героев нередко наблюдается введение в речь лексических единиц, принадлежащих разному регистру речи (смешение слов высокого стиля с разговорными словами и выражениями), чего нет в оригинальном тексте. В результате такого смешения не передается оригинальная манера речи героя: *Егда добежал до лоса, как ударил его изо всех сил по башке. Он даже очей не открыл, а ведь дышал, зараза. Ну я залез ему на спину, хотел хорошенько по макушке врезать; Разрази меня гром, откуда тебе известно о моём гусе?*

- стандартизацию/эмфатизацию речевой характеристики героев. В конкурсных текстах номинаций II и III речь ведется от первого лица в разговорном просторечном стиле. В большинстве работ наблюдается стремление к стандартизации (нейтрализации) речевого регистра, подведение его к литературной норме, что значительно нарушает стиль оригинальных произведений. В отдельных редких случаях наблюдается излишняя эмфатизация и снижение речевого регистра, стремление передать все особенности речи героя (фонетические и грамматические искажения речи главного героя, указывающие на его социальный статус и образование), при котором нарушается имитация разговорности в переводном литературном тексте: *Ну и шо, народ, ня буду вам особа тут рассказывать, как гнали мы по лисам, пазбищам, но со временем он ваще расвирипел и понёлся загорот. А я его дубашу и дубашу по бошке этим суком как могу, и он ужо совсем безсильный, поэтому на реских поворотах, щятай, рысью плетёца..*

- смещение оценочного фокуса. В некоторых работах было обнаружено смещение оценочного фокуса, при котором в переводном тексте меняется отношение автора / рассказчика к описываемой ситуации. Так, в рассказе «Деревенский Мюнхгаузен» героиня с симпатией и сочувствием относится к главному герою рассказа, старику-фантазеру. Однако в некоторых переводах модус не был учтен, в результате чего при описании главному герою даются отрицательные характеристики: *...старый олух уже много лет служил всеобщим посмешищем; ...только снискал себе титул местного сумасшедшего и врунишки. ... хулиганов, задиравших Джеда, старый хрыч уже много лет был объектом насмешек для всех местных. И к тому времени когда его дед был подростком, уже достаточно крепким, чтобы присоединиться к разъярённый толпе деревенских паренёков-истязателей Джеда, противного старика, который вел себя как осел в течение многих лет. Они собрались вокруг туповатого маленького старика...*

На основании приведенного анализа и цитат, взятых из конкурсных работ, можно заключить, что значительное количество проблем можно было бы избежать, если затратить больше труда, понимая вместе с тем, что совершенству нет предела.